

АНДРЕЙ ГОНЧАРОВ

МЕТАФОРЫ ВОЙНЫ

Из воспоминаний народного артиста СССР,
художественного руководителя
Театра имени Маяковского

ФОТО ИГОРА ИВАНДИКОВА

22 июня 1941 года. В то воскресное утро я, дипломант режиссерского факультета Государственного института театрального искусства имени А. В. Луначарского, отправился на спектакль гастролировавшего в Москве Театра имени Ивана Франка «В степях Украины» по пьесе А. Корнейчука. Я только что возвратился из Ивановна, где поставил эту пьесу — свой дипломный спектакль, и мне не терпелось посмотреть, как же сыграют ее сами украинцы.

Гастроли проходили в здании Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко. В середине первого действия на сцену вышел человек в обычном костюме, без грима. Он что-то сказал актерам, от чего они сразу замолчали, словно окаменели. Потом подошел к рампе и глухим, срывающимся голосом прочитал по бумажке сообщение о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз. Не помню, прозвучало ли слово «война», но оно повисло над залом, ширясь и расплываясь с каждым мгновением. Война!

Я выбежал на Пушкинскую улицу. Тысячи раз искоженная вдоль и поперек, она показалась мне чужой и незнакомой. Может быть, оттого, что вокруг было совсем пустынно — ни людей, ни автомобилей. Только ветер кружил по не подметенному в тот день асфальту пыль и мусор.

Я бежал в ГИТИС. В голове вертелись какие-то обрывки фраз, мыслей. Никак не мог осознать, представить себе истинный смысл того, что только что услышал.

Во дворе института уже было полно народа. Все волновались, что-то говорили друг другу, кто-то плакал. ГИТИС был похож на кипящий котел.

В первый же день многие гитисовцы с разных факультетов и курсов — Толя Погорельский, Миша Гельман, Петя Громцев, Валя Невзоров, Митя Лондон — подали заявления в военкомат. Мы все старались попасть в Коммунистический батальон Красной Пресни и для этого шли на всевозможные ухищрения. Миша Гельман, например, больной туберкулезом, достал где-то фиктивную справку, что он здоров. Я, в свою очередь, тщательно скрывал от домашних свои военные хлопоты.

Вспоминая эти дни, часто ловлю себя на мысли, что все это было не со мной. После 22 июня я ходил по знакомым улицам и не узнавал их. Все преобразилось в моем сознании. На первый призыв откликнулись те, от кого это меньше всего могли ожидать. И, наоборот, те, кто, казалось были полны боевого духа, остались в тылу. У меня могла быть броня, но мне даже в голову не пришло ею воспользоваться.

Через несколько дней с призывного пункта, около дома ТАСС у Никитских ворот, мы в составе батальона Красной Пресни отправились на фронт. Каждый из нас был убежден, что все это — на две три недели. А затем наступит победа. Мы пели тогда «Уходили комсомольцы на последнюю войну». Мы были убеждены, что она — последняя.

На фронт меня провожала Наташа Качувская — заботливая, чуткая, самоотверженная, она была секретарем комсомольской организации ГИТИСа. Потом она меня — раненого — выхаживала в московском госпитале.

Нас погрузили в товарный состав.

Тогда мне, 22-летнему выпускнику театрального института, и привиделась одна из первых метафор, подсмотренных в реальной жизни.

Состав остановился под мостом, недалеко от Ваганьковского кладбища. Я смог позвонить матери и Вере — моей невесте. Они поспешили ко мне на свидание. Две женщины бежали от церкви через все кладбище, минуя надгробия и памятники, чтобы обняться с новобранцем в новенькой синей форме. Я увидел их на фоне церковного креста. Кто знает, может быть, в последний раз?

Первая метафора войны.

Из ГИТИСа вместе со мной в батальон попали Толя Погорельский, Миша Гельман, Петя Громцев, Петя Федотов и Валя Невзоров. Никто ничего не умел. Я был в наиболее выгодном положении — занимался альпинизмом, ходил в школу ворошиловских всадников. Когда нас зачислили во взвод конной разведки, с первой же попытки почти все мои товарищи оказались под лошадьми, забыли заупонить седла.

Вся наша военная «наука» состояла в одном учебном выстреле по мишеням. С этим «богатым опытом», одетые в новехонькие синие галифе, приняли мы свое боевое крещение под Вязьмой, которую уже совсем бомбили. Мы отстреливались от самолетов из своих почти игрушечных «ППД», потом лазили по чердакам, отлавливая «фракетчиков», которые сигнализировали немцам, куда бомбить. Я был старшим в нашей команде и не имел права показать, до чего же это невесело.

Через три дня от тысячи человек Коммунистического батальона Красной Пресни осталось чуть больше ста. Позже стало известно, что немцам была лана команда «стрелять по синим породам». Видимо, узнали, что прибыли не стреланные юнцы.

Наши остатки отвели под Ярцево и стали расформировывать по другим частям. Выстроили на опушке леса и стали вызывать жelaющих отправиться на самые передовые участки фронта. Тогда я услышал от рыжего соседа справа фразу, которую никогда больше не забывал. Чувствуя, что я порываюсь сделать шаг вперед, рыжий мудрец задержал меня: «Не торопись, Борис!» Он даже не знал, как меня зовут, но своей смекалкой, быть мо-

жет, спас мне жизнь. С тех пор я не раз повторял эту фразу на своих репетициях.

Оказавшись во взводе конной разведки, я получаю первое задание — доставить донесение. Сроки были кратчайшие, аллор «три креста». По дороге я пережил то, что видел только в кино: за мной одним гонялся с леденящим душу воем вражеский самолет. Пару раз я укрывался в кювете. Задание было выполнено, но в конце концов я загнал несчастную свою кобылу по имени Лиллька. Надо было возвращаться в часть. Я звалли на себя седло и потник, добрел по Минскому шоссе к передовой. А навстречу отступали наши войска. При виде меня под седлом измученные, забитованные солдаты, для которых война уже кончилась, разражались оглушительным хохотом. Еще одна метафора войны...

Все же я дошел до своей части. И уже не застал никого, кроме Толи Погорельского. Нас осталось четверо, я — за старшего. Ночью мы с Толей отправились на другую сторону Ярцевской переправы. Туда, в самое пекло, как мне рассказали, вылезал накануне идти Миша Гельман. Там он и погиб. Мы с Толей хотели найти останки и похоронить. Не нашли. Картина этого ада развороченной земли на Соловьевой переправе до сих пор стоит у меня перед глазами. Это и называется войной.

Наш взвод, который выполнял функции разведки, влили в 4-й кавалерийский казачий корпус. Мы ходили по тылам, участвовали в боях, отступали к Истре и наступали к Ельне: это и была битва под Москвой. В одном из боев меня ранило дважды, и Толя Погорельский вынес меня с поля боя на себе. К тому времени нас, гитисовцев, осталось в живых только трое: Толя, я и Валя Невзоров. Вскоре убили и Толо. А меня, контуженного и раненого, отправили в госпиталь. Наташа Качувская, провожавшая меня на фронт, выхаживала теперь меня, вернувшегося с фронта. Потом не стало и ее.

Можно много рассказывать о других страшных «метафорах войны».

Я убежден, мы там потеряли лучших. Часто ловлю себя на ощущении вины, что остался жив. И все-таки я благодарю судьбу и начинаю новый день с известной молитвы: «Дай Бог мне силы преодолеть утомление наступающего дня».